

КЛАССИЧЕСКИЙ ВОСТОК

DOI: 10.31857/S086919080030006-3

АЛЬТЕРНАТИВА КОНФУЦИАНСТВУ:
БУДДИЙСКОЕ УЧЕНИЕ О «ЧАКРАВАРТИНЕ»
В ПОЛИТИЧЕСКИХ СТРУКТУРАХ ТРЁХ КОРЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ

© 2024

М.В. ЕЛИСЕЕВА ^а

^а – Государственный академический университет
гуманитарных наук, Москва, Россия
ORCID: 0009-0000-7325-5790; soranaya_sora@mail.ru

Резюме: Религия с древних времён являлась основой формирования государственности различных народов. Имея внушительный политический вес, религиозные догмы превращались в эффективный идеологический инструмент управления массовым сознанием в масштабах государства. В данной статье анализируется роль буддийского учения о «чакравартине» (идеальном вселенском правителе) в политических структурах корейской государственности периода Трёх государств (IV–VII вв.). Автор полагает, что в условиях упадка конфуцианства на фоне кризиса идейно-ценностных ресурсов и политической раздробленности в Китае в начале III – конце VI в. буддизм, обладая активным политическим потенциалом, стал полноценной идеологической альтернативой учению Конфуция. Корея как постоянный реципиент китайской культуры также подверглась влиянию буддизма, что проявилось в последующих изменениях в сфере государственной идеологии корейских государств. С целью подробного изучения данного вопроса в статье приведены сравнительная характеристика буддийской и конфуцианской теорий государства, перечень основных социально-политических факторов, которые способствовали приобретению корейским буддизмом функций государственной идеологии, а также анализ системы государственного управления каждого из трёх корейских государств: Когурё, Пэкче и Силла. Ввиду плохой сохранности информации о государственной идеологии корейских государств в письменных источниках исследуемого периода, в частности, летописях Самгук Юса и Самгук Саги, автор опирается преимущественно на косвенные данные – например, археологические источники – а также использует различные буддийские канонические тексты для проведения сравнительного анализа с использованием архетипов «чакравартина» в других странах азиатского региона. В числе археологических находок подробно анализируются фрагменты настенной живописи корейских гробниц соответствующего периода, каменные стелы и предметы буддийской материальной культуры.

Ключевые слова: чакравартин, корейский буддизм, конфуцианство, Три государства, государственная идеология, Чинхын, царь Ашока.

Для цитирования: Елисеева М.В. Альтернатива конфуцианству: буддийское учение о «чакравартине» в политических структурах Трёх корейских государств. *Восток (Oriens)*. 2024. № 2. С. 59–68. DOI: 10.31857/S086919080030006-3

AN ALTERNATIVE TO CONFUCIANISM: THE BUDDHIST «CHAKRAVARTIN» TEACHING IN THE POLITICAL STRUCTURES OF THE THREE KOREAN KINGDOMS

© 2024

Mariia V. ELISEEVA ^a

^a – State Academic University for the Humanities (GAUGN), Moscow, Russia
ORCID: 0009-0000-7325-5790; soranaya_sora@mail.ru

Abstract: Religion has been the basis of the statehood of various nations since the ancient times. This article analyzes the role of the Buddhist concept of “chakravartin” (ideal universal ruler) in the political structures of the Korean states in the Three States period. The author believes that in the context of the decline of Confucianism against the backdrop of an ideological crisis and political fragmentation in China in the early 3rd - late 6th centuries, Buddhism, having an active political potential, has become a full-fledged ideological alternative to the teachings of Confucius. Korea, as a permanent recipient of Chinese culture, had been also greatly influenced by Buddhism, which was reflected in subsequent changes in the state ideology of the Korean states. To explore this issue further, this article provides a comparative description of the Buddhist and Confucian state theories, a list of the main socio-political factors that helped Korean Buddhism to acquire the functions of a state ideology, as well as an analysis of the state administration systems that existed in each of the three Korean kingdoms: Koguryeo, Paekche and Silla. Due to the lack of historical evidence about their state ideology in the written sources of the period, the author relies mainly on indirect sources of information – in particular, archaeological finds, such as objects of Buddhist material culture and stone steles. Moreover, various Buddhist canonical texts were used to conduct a comparative analysis using “chakravartin”-related archetypes in other countries of the Asian region.

Keywords: chakravartin, Korean Buddhism, Confucianism, Three Kingdoms of Korea, state ideology, Jinheung, Ashoka.

For citation: Eliseeva M.V. An Alternative to Confucianism: The Buddhist “Chakravartin” teaching in the Political Structures of the Three Korean Kingdoms. *Vostok (Oriens)*. 2024. No. 2. Pp. 59–68. DOI: 10.31857/S086919080030006-3

Первые государственные образования на территории Кореи, так называемые Три государства – королевства Когурё, Пэкче и Силла, располагавшиеся, соответственно, на севере, юго-западе и юго-востоке полуострова, – с момента своего возникновения были постоянными реципиентами китайской культуры в различных её проявлениях. Между тем в начале III – конце VI в. сам Китай переживал глубокий идейно-политический кризис, вызванный падением империи Хань (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.), главного оплота конфуцианства на Дальнем Востоке. В условиях упадка законности и общественного порядка правителям молодых китайских царств, которые появились на руинах Хань, требовалось легитимировать и укрепить свою власть путем создания новой ценностно подкрепленной системы авторитарных институтов. В связи с кризисом учения Конфуция возникла необходимость поиска альтернативной ему политической идеологии. Так в Китае распространяется буддийская теория государства и, в частности, её ключевой элемент – модель верховной власти в виде учения о «вселенском правителе» – *чакравартине* (санскр. चक्रवर्तिन्, चक्रवर्तिचक्रवर्तिन्, चक्रवर्तिन्, кор. 전륜성왕, кит. 轉輪聖王). В дословном переводе *чакравартин* означает «со-

вершенимудрый царь, вращающий чакру», где чакра – колесо со спицами (от четырех до восьми), символ солнца, силы и победы; в более широком значении – космического порядка, равновесия. В то же время она является воплощением божественной охранительной силы и отличительным знаком *чакравартина* [Индуизм, 1996, с. 449; Андросов, 2011, с. 372]. В индийской традиции термин «*чакравартин*» обозначал царя-миродержца, в буддизме это понятие обросло дополнительными смыслами, например, толковалось как «царь – покровитель буддийского закона» [Индуизм, 1996, с. 449]. Предполагается, что одни из первых упоминаний *чакравартина* на китайском языке содержатся в «Сутре о великом пожаре и возрождении мира» (кор. 대누탄경, кит. 大樓炭經), переведенной китайскими монахами в начале IV века. Именно она могла быть завезена китайскими посольствами в Когурё в 372 г. и в Пэкче в 384 г. в числе прочих документов [Юн Се Вон, 2012, с. 55].

Проникновение новых идей повлияло на последующую трансформацию идеологической сферы Трёх корейских государств, которую можно проследить путём изучения законодательных актов и археологических памятников данного периода. К сожалению, на данный момент политический аспект корейского буддизма изучен крайне слабо – фундаментальные труды в этой области практически отсутствуют как в отечественном, так и в зарубежном корееведении. Настоящая статья опирается в основном на первоисточники (летописи и археологические данные), в связи с чем автором выдвигается некоторое количество новых гипотез. В частности, в статье будет предпринята попытка проанализировать функциональную роль учения о *чакравартине* в корейских политических институтах указанного периода и представить его в качестве альтернативы конфуцианству в идеологической сфере Когурё, Пэкче и Силла.

История таких стран буддийского мира, как Индия, доказывает, что буддизм обладает широким потенциалом для трансформации в активную политическую силу, способную обеспечивать существование имперских режимов – именно это требовалось для удовлетворения амбиций китайских и корейских правителей в описываемый период. Важно учитывать и то, что в III–VI вв. буддизм распространялся в регионе, где уже продолжительное время существовала достаточно стабильная система конфуцианских институтов власти. Из этого следует, что предлагаемая буддийским учением модель верховной власти должна была коррелировать с местными традициями. И действительно, как было отмечено М.Е. Кравцовой [Кравцова, 2001], если абстрагироваться от различных специфических индийских элементов учения о «*чакравартине*» (таких, как принадлежность правителя к сословию кшатриев и т.д.), буддийская модель верховной власти в немалой степени становится тождественна конфуцианской модели верховной власти благодаря значительной схожести их ключевых идеологем. Так, в обеих моделях человек из местного правящего рода, обладающий определенными добродетелями и соблюдающий нравственные законы, получает право на власть над миром от природных стихий, чтобы просвещать варварские народы. В буддизме в качестве абстрактного символа легитимности власти выступает сокровище-чакра, в конфуцианстве – Небесный мандат¹. Отсутствие строго локальных элементов, как, например, конкретных божеств-покровителей, делает буддийскую модель верховного правителя универсальной и привлекательной «для региональных светских властей, независимо от их вероисповедания и местных культурно-религиозных нормативов» [Кравцова, 2001], что и обусловило ее популярность за пределами Индии. Интересно, что в буддийской модели нашла отражение даже конфуцианская идея у *лунь* («пять человеческих взаимоотношений»), где правитель предстаёт отцом (в буддизме – покровителем) всего своего народа [Кравцова, 2001]. Благодаря этим совпадениям учение о вселенском

¹ Государство Северная Вэй (북위, 北魏, 386–535), также встречаются такие варианты названия, как Тоба Вэй (拓拔魏) или Юань Вэй (元魏). Известно объединением Северного Китая в 439 г.

правителе не вступало в противоречие с местными конфуцианскими политическими устоями, что позволило ему широко распространиться по дальневосточному региону, в том числе проникнуть и на Корейский полуостров.

Как правило, внедрению учения о *чакравартине* в политические структуры того или иного государства способствовал ряд объективных предпосылок, таких, как необходимость централизации верховной власти и повышения её статуса, а также наличие внешней угрозы, оправдывающей активную военную политику «вселенского правителя». Помимо всего вышеперечисленного, предполагается, что в корейских государствах дополнительным условием для распространения данного учения стал идеологический вакуум. Он образовался вследствие упадка как китайского конфуцианства, так и традиционного для Корейского полуострова культа Основателя, на базе которого строился авторитет властных институтов корейской государственности. Мифы о культурных героях – Основателях государства (*конгук сольхва*, кор. 건국설화, кит. 建國說話) – являются характерным элементом корейской мифологии. К числу культурных героев Кореи относятся, в частности, Чумон, Ончжо и Хёккосе – основатели государств Когурё, Пэкче и Силла соответственно. Прежде корейские правители позиционировали себя в качестве потомка легендарного основателя своего государства [Волков, 1985], однако, как предполагает автор, с расширением числа политических акторов убедительность данного мифа резко снизилась. Возникла необходимость нового обоснования легитимности правителя, поскольку культ предков как источник политического авторитета исчерпал себя.

II

Вероятно, указанные выше предпосылки сформировались в Когурё и Пэкче к началу V в., в отличие от Силла, которое вплоть до начала VI в. практически не было интегрировано в процессы, происходящие в регионе, ввиду своей относительной удаленности от Китая и недостаточного уровня развития государственных институтов. Кроме того, на тот момент Когурё и Пэкче уже вступили в борьбу за доминирование на территории полуострова, что обусловило необходимость укрепления центральной власти в этих государствах. В связи с этим буддизм как потенциальный источник идеологической поддержки правящей семьи был воспринят ими благосклонно – в летописях данного периода отсутствуют данные о каких-либо «гонениях» на представителей буддийской сангхи со стороны правящих кругов Когурё и Пэкче.

Анализируя правление общепризнанных «вселенских правителей» в истории буддийских государств, можно заметить определенное сходство с политикой отдельных корейских государей. Так, свидетельства присутствия учения о *чакравартине* в политических структурах Когурё можно выделить по аналогии с правлением царя Паракрама Баху Великого (1153–1186), который считается архетипом «вселенского правителя» в Шри-Ланке [Корнев, 1987, с. 131]. Он известен своими многочисленными военными успехами, деятельностью по объединению страны и укреплению сангхи; кроме того, его правление ознаменовалось масштабным строительством буддийских храмов. Схожие тенденции прослеживаются в правлении когурёских ванов Сосурима (кор. 소수림왕, кит. 小獸林王, 371–384), Когугяна (кор. 고국양왕, кит. 故國壤王, 384–392) и Квангэтхо (кор. 광개토왕, кит. 广开土王, 393–413). Об их деятельности по распространению буддизма свидетельствует летопись *Самгук Саги*, где содержатся записи о масштабном строительстве храмов в 375 и 393 гг., а также цитируется приказ вана Когугяна от 392 года: «В третьем месяце издан указ [вана, которым повелевалось] почитать Учение Будды и молиться о счастье» [*Самгук Саги*]. Ван Квангэтхо, чье имя переводится как «Расширитель земель», также известен своей успешной завоевательной политикой.

Однако в дальнейшем в летописи не встречаются упоминания каких-либо масштабных буддийских мероприятий, проводимых в Когурё в интересах государственной власти. Низкий уровень развития учения подтверждается и археологическими находками: те буддийские статуи, которые были найдены на бывшей территории Когурё, очень миниатюрны и малочисленны в сравнении с аналогичными находками в Пэкче и Силла, что говорит о низком уровне развития буддийского ремесла и об отсутствии масштабных программ государственного финансирования сангхи. Вероятно, большинство этих статуй создавалось для личного пользования, а не в качестве общественного достояния. Более того, на основе схожести стиливых особенностей когурёских скульптур с китайскими такие исследователи, как Дж. Йоргенсен, утверждают, что буддийские предметы культа в Когурё были исключительно импортными [Jorgensen, 2012, p. 98].

Еще один показатель уровня влияния религии в государстве – присутствие её элементов в погребально-поминальном культе; однако в случае с Когурё из 10 тысяч найденных захоронений лишь девяносто украшены фресками, и только часть из них имеет буддийские мотивы [Jorgensen, 2012, p. 81]. Гробницы этого периода, как правило, принадлежали представителям высших слоёв общества, многие из которых были задействованы в государственной политике. Тот факт, что в поминально-погребальном культе когурёской знати практически отсутствуют элементы буддийской идеологии, доказывает точность влияния данного учения и слабость его позиций в государственных институтах Когурё.

На низкое положение сангхи в Когурё указывает также то, что многие местные выдающиеся монахи в итоге покидали это государство, как, например, Херян (кор. 혜랑법사, кит. 惠亮法師), который построил успешную политическую карьеру в Силла, или Тохён (кор. 도현, кит. 道顯), до самой смерти служивший на должности военного и политического советника в Японии. Даже Подок (кор. 보덕, кит. 普德), который считается самым знаменитым буддийским деятелем Когурё, обвинил правящие круги в неуважении к буддизму и уехал в Пэкче, когда центральная власть в середине VII века начала активно способствовать распространению даосизма в государстве [Jorgensen, 2012, p. 99].

В числе других факторов, которые могли повлиять на развитие учения о *чакравартине*, можно отметить более тесные (по сравнению с Пэкче и Силла) отношения с китайскими государствами, в связи с чем основным способом легитимации центральной власти в Когурё была, скорее всего, не религия, а официальное признание китайских властей.

III

В Пэкче буддизм практически не проявлял себя вплоть до начала VI в. Как правило, исследователи выделяют в истории этого государства три временных отрезка: периоды Хансон (18 г. до н.э. – 475 г. н.э.), Унджин (475–538) и Саби (538–660). Буддийская материальная культура периода Хансон представлена лишь одной небольшой статуэткой, датируемой V в.; её стилистические особенности демонстрируют сильное влияние культуры северных китайских династий [Best, 2002, p. 190]. Это позволяет предположить, что данная статуэтка была завезена в Пэкче извне, в то время как внутри государства буддийское ремесло не развивалось. Вероятно, это было связано с истощением государственных ресурсов в результате неудачных войн с Когурё.

Однако период Унджин демонстрирует резкую смену идеологической парадигмы – происходит повышение роли буддизма в сфере государственной идеологии, что было обусловлено затяжным политическим кризисом в предшествующем столетии. Сложная экономическая ситуация и нехватка продовольствия, возникшая в результате разнообразных стихийных бедствий, усугублялись многочисленными военными конфликтами с Когурё.

Такой комплекс проблем требовал наличия сильной идеологии, направленной на поддержку центральной власти. Кризис не удалось разрешить даже посредством вмешательства китайской стороны: когда в 472 г. ван Пэкче отправил посольство в государство Северная Вэй² с просьбой помочь в борьбе с когурёсцами, ему было отказано. Это было аргументировано тем, что Когурё долгие годы исправно служило китайскому правителю, в то время как Пэкче «впервые присылает посла для установления [дипломатических] отношений и сразу просит направить карательную экспедицию» [*Самгук Саги*]. В связи с этим период стабилизации, начатый ваном Мурёном (кор. 무령왕, кит. 武寧王, 501–523) ознаменовался интенсификацией отношений с южной китайской династией Лян. Её правитель, император У-ди (양무제, 梁武帝, 502–549), активно способствовал распространению буддизма в своем государстве; можно предположить, что именно его влияние и опыт стали решающим фактором для внедрения буддизма в стратегию восстановления Пэкче.

Учение о *чакравартине* не упоминается напрямую в пэкческих исторических источниках, однако его присутствие в идеологической сфере прослеживается по аналогии с правлением индийского царя Ашоки (санскр. अशोक, 273–232 гг. до н.э.) – другим каноническим архетипом «вселенского правителя». Ашока был известен как сострадательный монарх, который призывал людей заботиться о родителях, способствовал миссионерской деятельности буддийских монахов и т.д. [Корнев, 1987, с. 147]. Схожие примеры присутствуют в деятельности отдельных пэкческих правителей, таких, как ван Сон (кор. 성왕, кит. 聖王, 523–554), ван Видок (кор. 위덕왕, кит. 威德王, 554–598) и ван Поп (кор. 법왕, кит. 法王, 599–600). Ван Сон в 527 г. приказал возвести буддийский храм *Тэтонхса* (대통사, 大通寺), чтобы увековечить достижения своего отца, вана Мурёна, а также перенес столицу в город Саби, где инициировал активное храмовое строительство [*Самгук Саги*]. Также известен комплекс захоронений членов королевской семьи в деревне Сонсанни (кор. 송산리, кит. 松山里), из которых наибольший интерес для настоящего исследования представляет гробница вана Мурёна (кор. 무령왕릉, кит. 武寧王陵). Для украшения внутренней части гробницы были использованы декоративные кирпичи, украшенные буддийским орнаментом лотоса с закругленными лепестками, традиционного для лянской буддийской материальной культуры того периода [Best, 2002, p. 190]. Погребальная архитектура, как правило, не только демонстрирует силу и авторитет покойного, но и отражает традиции и религиозные верования того периода, к которому она относится. В художественной традиции Пэкче на тот момент существовало множество других орнаментов, однако для украшения королевской гробницы был использован именно мотив лотоса, что косвенно указывает на высокие позиции буддийского учения при дворе. Вероятно, с правления вана Мурёна и Сона также началось и активное развитие учения *чакравартина* в Пэкче.

Ван Видок сопровождал любые масштабные реформы увеличением государственного финансирования буддизма. Вероятно, он предполагал, что политика поддержки распространения буддизма позволит ему повысить международный статус Пэкче, соотнося свою фигуру с личностью упомянутого выше великого царя Ашоки. Храмовое имя пэкческого правителя – «Видок» – переводится как «добродетель», что также отсылает к буддийскому учению [Ли Чан Ун, 2018, с. 11]. Кроме того, при нём в 577 г. была возведена деревянная пагода будущего храма *Ванхынса* (кор. 왕흥사지, кит. 王興寺址) [Юн Се Вон, 2012, с. 54]. Надпись на бронзовом контейнере для рингсел³, найденном в основании пагоды,

² Государство Северная Вэй (북위, 北魏, 386–535), также встречаются такие варианты названия, как Тоба Вэй (拓拔魏) или Юань Вэй (元魏). Известно объединением Северного Китая в 439 г.

³ *Рингсели* (кор. 사리, 舍利) – белая кристаллическая субстанция, как правило, в виде отдельных небольших шариков, которая остается после сожжения тела просветленного человека. Буддисты верят, что она символизирует внутренний свет, оставшийся после смерти, и почитают её как священную реликвию.

утверждает, что эта постройка была создана в честь умершего пэкческого принца. Как представляется автору, это доказывает непосредственное влияние буддийских верований на погребально-поминальный культ пэкческой аристократии, что подтверждает особую роль буддизма при королевском дворе.

Наконец, ван Поп в 599 г. издал указ, запрещающий убивать животных [*Самгук Саги*]; его храмовое имя, которое дословно переводится как «король справедливости/закона», содержит тот же иероглиф «закон» (法), что и в важнейшей для последователей буддизма Сутре Лотоса (кор. 법화경, кит. 法華經), повествующей о проповедях Будды Шакьямуни.

Таким образом, можно предположить, что в период ослабления центральной власти и падения престижа королевской династии Пэкче учение о *чакравартине* стало основным инструментом восстановления централизованной политической структуры государства. Однако, как и в случае с Когурё, идеологический потенциал учения не был реализован здесь в полной мере.

IV

В отношении Силла существует мнение, что основу для развития учения о вселенском правителе в этом государстве заложил ван Попхын (кор. 법흥왕, кит. 法興王, 514–540): в 529 г. в соответствии с правилами буддийской морали он издал указ, запрещающий убивать живых существ, а в 532 г. принял правителя Кымгван Кая (кор. 금관가야, кит. 金官加耶), который выразил желание присоединить свое государство к силлаской земле [*Самгук Саги*]. Как правило, способность расширять свою землю бескровным путем считается одной из особенностей *чакравартина*. О Попхыне также известно то, что он был похоронен на склоне храма Эгонса (кор. 애공사, кит. 哀公寺), который, вероятно, был построен специально для этой цели в 540 г. [*Самгук Саги*].

Политика покровительства буддизму, начатая Попхыном, была в первую очередь направлена на усиление авторитета монархии по отношению к родоплеменной знати и традиционным культам, которые являлись основой власти кланов. Идея верховенства единого правителя, содержащаяся в буддийской системе верховной власти, полностью соответствовала интересам Попхына. Однако силлаская аристократия продолжала активно противодействовать распространению буддизма, что заметно, например, из эпизода самопожертвования молодого чиновника Ичхадона (в сочинении Какхуна «*Хэдон косын чон*» – Пак Ёмчхока) с целью продвижения буддизма в Силла несмотря на протесты аристократии [*Самгук Саги*; *Хэдон косын чон*]. В итоге к концу правления Попхына это учение всё ещё находилось в начальной стадии распространения, что не позволяет говорить о полноценной реализации учения о *чакравартине* в данный период.

Буддийские идеи окончательно укоренились в идеологической сфере Силла при ване Чинхыне (кор. 진흥태왕, кит. 眞興太王, 526–576). Он является единственным корейским правителем периода Трёх государств, чей интерес к фигуре *чакравартина* не подлежит сомнению. На это указывают имена его сыновей: старшего назвали Тоннюн (кор. 동륜, кит. 銅輪), а младшего – Кымнюн (кор. 금륜, кит. 金輪). Эти имена происходят из буддийской космологической теории и соответствуют наименованиям двух из четырех ступеней вселенского правителя⁴. Кроме того, в конце жизни Чинхын принял монашество и, подобно Попхыну, был похоронен на территории храма Эгонса [*Хэдон косын чон*].

⁴ В буддийской космологии существует четыре ступени *чакравартина*: высший – Кымнюн (Золотая чакра), он управляет четырьмя государствами; затем идут Ыннюн (Серебряная чакра, 3 государства), Тоннюн (Медная чакра, 2 государства) и Чхоллюн (Железная чакра, 1 государство).

Правление Чинхына ознаменовалось расцветом Силла: была установлена четкая административная система, расширились дипломатические связи государства, борьба с Когурё и Пэкче за гегемонию на полуострове сопровождалась увеличением территории Силла [Курбанов, 2009, с. 67–68]. Эти процессы ознаменовали следующую ступень в развитии Силла, что было официально закреплено в 551 г. принятием нового девиза правления – «Кэгук» («Начало государства») [Самгук Саги], и происходили они параллельно со становлением буддизма в качестве руководящей философии общества. Учение о *чакравартине* предоставляло Чинхыну возможность преодолеть зависимость от родоплеменных авторитетов, которая была препятствием на его пути к дальнейшему развитию государства. С этой целью он начинает способствовать созданию буддийской администрации, призванной ограничить влияние аристократии в государственном аппарате: в 550 г. была учреждена должность тэсосона (кор. 대서성, кит. 大書省), а в 551 г. – куктхона (кор. 국통, кит. 國統) [Самгук Саги]. Вероятно, эти посты предназначались для королевских советников, которые обеспечивали культовое обслуживание интересов вана; введение подобных должностей позволило Чинхыну позиционировать себя как *чакравартина* – правителя, почитающего буддийские законы.

Рост влияния буддизма был также обусловлен активизацией экспансионистской политики Силла и необходимостью создания единой силлаской этнокультурной общности на захваченных территориях. Становление буддизма как доминирующей идеологии проявилось в 553 г., когда Чинхын приказал построить вместо королевского дворца храм, названный впоследствии *Хванёнса* [Самгук Саги]. Масштабные строительные проекты с давних времен служили инструментом демонстрации силы и благополучия правящей династии, однако для этих целей чаще всего возводились различные постройки дворцового типа. Использование буддийского храма в таком контексте символизирует становление буддизма как источника легитимности силлаского правителя и его покровителя. Подобная идеологическая стратегия использовалась и при объявлении старшего сына Чинхына наследником престола – незадолго до этого было построено два буддийских храма, *Чивонса* (кор. 지원사, кит. 祇園寺) и *Сильчжеса* (кор. 실제사, кит. 實際寺) [Самгук Саги].

Информацию о политической идеологии Силла периода правления Чинхына можно также обнаружить на каменных стелах *Хванчхорёнби* (кор. 황초령비, кит. 黃草嶺碑) и *Маунёнби* (кор. 마운령비, кит. 磨雲嶺碑), сооружённых после инспекции недавно завоеванных когурёских территорий на северо-востоке страны. На стелах в перечне лиц, сопровождавших правителя в поездке, одними из первых значатся имена буддийских монахов: Самундоина (кор. 사문도인, кит. 沙門道人), Попчжана (кор. 법장, кит. 法藏) и Хеина (кор. 혜인, кит. 慧忍) [Ким Му Чжин, Пак Гён Ан, 1998]. Их участие в поездке может отражать стремление Чинхына распространить буддийское учение на новые земли, а также олицетворяет его желание позиционировать себя как *чакравартина*. Тихонов В.М. и Ким Ман Гиль в отношении буддийской политики Чинхына писали, что «в государстве, большая часть земель которого была присоединена в течение одного поколения и еще не ассимилирована до конца, методы *чакравартина*, особенно такие, как “возвышение достойных” (т.е. привлечение местных элит на сторону Силла) и покровительство *сангхе* (в которую входили уроженцы разных областей), были гораздо более безопасны, чем чрезмерное насилие, провоцирующие сопротивление на окраинах...» [Тихонов, Кан Ман Гиль, 2011, с. 125–126].

Наконец, одним из важнейших достижений Чинхына является создание института *хваранов*, организации для обучения молодых аристократов боевым искусствам, военному делу и различным наукам. Буддийские концепции были одной из составляющих их обучения наряду с конфуцианством [Волков, 1985]. Учитывая то, что из среды *хваранов* выходили не только полководцы, но и высокопоставленные чиновники, можно заключить, что

буддизм играл ключевую роль в воспитании новых кадров для политических институтов Силла.

В дальнейшем на фоне стабилизации идейно-политической ситуации в Китае буддизм в идеологической сфере Силла отошел на второй план, уступив место конфуцианским нормам, однако продолжил играть важную роль в функционировании политических институтов этого государства. На это указывают многочисленные буддийские мероприятия, такие как *пэккочва* (кор. 백고좌, кит. 百高座; собрания буддийских священников, сопровождаемые чтением религиозных текстов и диспутами на различные темы) и *пхальгван* (кор. 팔관회, кит. 八關會; крупные молебны), проводимые в интересах центральной власти в рамках идеи *хогук пульгё* (кор. 호국불교, кит. 護國佛教) – «буддизма, охраняющего государство» [Волков, 1985]. Её суть заключалась в наличии мифической силы, защищающей государство до тех пор, пока его правители соблюдают и почитают буддийские законы [Болтач, 1997, с. 250]. Поскольку *хогук пульгё* напрямую связана с фигурой *чакравартина*, можно считать эту идею прямым продолжением учения о «вселенском правителе».

Таким образом, буддийское учение о *чакравартине* в той или иной степени проявило себя как элемент политических структур всех трёх корейских государств. Её функциональная роль может быть охарактеризована следующим образом: 1) идеологическая поддержка экспансионистской политики государства (Когурё, Силла), 2) стабилизация и централизация институтов верховной власти (Пэкче, Силла), 3) формирование лояльной к правителю социальной базы (Пэкче, Силла). Из этого можно заключить, что политические функции буддийской концепции *чакравартина* в целом схожи с функциями конфуцианской идеологии. Это позволяет считать её потенциально эффективной альтернативой конфуцианству при условии стабильного развития, пример которого предоставляет государство Силла.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Андросов В.П. *Индо-тибетский буддизм. Энциклопедический словарь*. М.: Ориенталия, 2011 [Androsoy V.P. *Indo-Tibetan Buddhism. Encyclopedic Dictionary*. Moscow: Orientalia, 2011 (in Russian)].
- Болтач Ю.В. Из истории корейского буддизма. *Вестник центра корейского языка и культуры*. Под ред. А.Г. Васильева. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1997. С. 244–256 [Boltach Y.V. From the History of Korean Buddhism. *Bulletin of the Korean Language and Culture Center*. A.G. Vasilyev (ed.). Saint Petersburg: Tsentr “Peterburgskoe vostokovedenie”, 1997. Pp. 244–256 (in Russian)].
- Волков С.В. *Ранняя история буддизма в Коре: сангха и государство*. Отв. ред. М.Н. Пак. М.: Наука, 1985 [Volkov S.V. *The Early History of Buddhism in Korea: the Sangha and the State*. M.N. Pak (ed.). Moscow: Nauka, 1985 (in Russian)]. URL: <http://religion.historic.ru/books/item/f00/s00/z00000111/index.shtml> (accessed: 26.10.2023).
- Индуизм. Джайнизм. Сикхизм: Словарь*. Под общ. ред. М.Ф. Альбедиль и А.М. Дубянского. М.: Республика, 1996 [Hinduism. Jainism. Sikhism: *The Dictionary*. M.F. Albedil, A.M. Dubyansky (eds.). Moscow: Respublika, 1996 (in Russian)].
- Какхун. *Жизнеописания достойных монахов Страны, что к востоку от моря (Хэдон косын чон)*. Исследование, пер. с ханмуна, комм. и указатели Ю.В. Болтач. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007 [Kakhun. *Lives of Eminent Monks from the Country to the East of the Sea (Haedong Koseung Chun)*. Y.V. Boltach (tr., ed.). Saint Petersburg: Izd-vo SPBGU, 2007 (in Russian)]. URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Korea/XIII/Kakchun_4/frameset.htm (accessed: 28.11.2023).
- Ким Бусик. *Самгук Саги («Исторические записи Трёх государств»): в 3 томах*. Пер. М.Н. Пака. М.: Восточная литература, 2001 [Kim Busik. *Samguk sagi (Historical Records of the Three Kingdoms)*. In 3 vols. M.N. Pak (tr.). Moscow: Vostochnaya literatura, 2001 (in Russian)]. URL: https://drevlit.ru/docs/korea/Kim_Busik/index1.php (accessed: 25.03.2023).

Ким Му Чжин, Пак Кён Ан (김무진, 박경안). (Синххён) хангуксаэ кильчжаби (История Кореи (новое издание); (신편) 한국사의 길잡이). *Уриёксанэт* (우리역사넷). 1998 [Kim Mu-Jin, Pak Geong-An. *Korean History (New Edition). History.net* (in Korean)]. URL: <https://goo.su/FRrsCZ> (accessed: 06.04.2023).

Корнев В.И. *Буддизм и общество в странах Юго-Восточной Азии*. М.: Наука, 1987 [Kornev V.I. *Buddhism and Society in the Countries of Southeast Asia*. Moscow: Nauka, 1987 (in Russian)].

Кравцова М.Е. Буддизм как социальный и культурный феномен китайского общества. *Религии Китая. Хрестоматия*. Сост. Е.А. Торчинов. СПб.: Евразия, 2001. С. 139–262 [Kravtsova M.E. Buddhism as a Social and Cultural Phenomena of the Chinese Society. *Religions of China. Anthology*. E.A. Torchinov (ed.). St. Petersburg: Evrazia, 2001. Pp. 139–262 (in Russian)].

Курбанов С.О. *История Кореи с древности до начала XXI века*. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009 [Kurbanov S.O. *History of Korea from the Ancient Times to the Early 21st Century*. St. Petersburg: Izd-vo SPbGU, 2009 (in Russian)].

Ли Чан Ун (이장웅). Пэкче попванэ чончхива пульгё (Буддизм и политика в Пэкче в правление Поп-вана (백제 法王의 정치와 불교). *Чжибансавачжибанмунхва* (지방사와지방문화). – Сеул (서울): Ёксамунхваакхве (역사문화학회). 2018. Т. 21(1). С. 201–234 [Lee Chang-Woong. Buddhism and politics in Baekje during the reign of King Pop. *Journal of Local History and Culture*. 2018. Vol. 21(1). Pp. 201–234 (in Korean)].

Стеженская Л.В. Эволюция понятия «Мандат неба» (Тяньмин) с древности до наших дней: о добродетели и судьбе. *Вестник Бурятского государственного университета. Философия*. 2014. №8. С. 16–19 [Stezhenskaya L.V. The Evolution of the Concept “The Mandate of Heaven” (*Tianming*) from Antiquity to Nowadays: On the Virtue and the Fate. *BSU Bulletin. Philosophy*. 2014. No. 8. Pp. 16–19 (in Russian)].

Тихонов В.М. *История Кореи: учебное пособие в 2 т.* Ред.-сост. Т.М. Симбирцева. Т. 1: С древнейших времен до 1904 года. М.: Восточная книга, 2011. [Tikhonov V.M. *History of Korea: textbook in 2 vols.* T.M. Simbirtseva (ed.). Vol. 1: From the earliest times to 1904. Moscow: Vostochnaya kniga, 2011 (in Russian)].

Юн Се Вон (윤세원). 4–5 segi тонасиэз сасанчжок тонхянгва чончхисасаныросоз чоллюнсонван – самгук пульгёгонинэ чончхисасанчжок ихэрыль вихан йебичжок сирон (Идейные тенденции IV–V веков в Восточной Азии и [учение о] чакравартине как политическая идеология: введение в тему признания буддизма в период Трёх корейских государств с точки зрения политической мысли (4–5 세기 동아시아의 사상적 동향과 정치사상으로서의 전륜성왕 — 삼국 불교공인의 정치사상적 이해를 위한 예비적 시론). *Хангуктонъянчончхисасансаёнгу* (한국동양정치사상사연구). – Сеул (서울): Хангуктонъянчончхисасансахакхве (한국동양정치사상사학회). 2012. Т. 11. No. 2. С. 47–62 [Youn Sae-Weon. Trends of Thoughts of the 4th and 5th Century in East Asia and Cakkavartin as Political Thought: A Preliminary Attempt for Understanding of the Recognition of the Buddhism in Tri-Kingdom in Terms of Political Thought. *The Review of Korean and Asian Political Thoughts (RKAPT)*. 2012. Vol. 11. No. 2. Pp. 47–62 (in Korean)].

Best J.W. Buddhism and Polity in Early Sixth-Century Paekche. *Korean Studies*. 2002. Vol. 26. No. 2. Pp. 165–215.

Jorgensen J. Goguryeo Buddhism: An Imported Religion in a Multi-ethnic Warrior Kingdom. *The Review of Korean Studies*. 2012. Vol. 15. No. 1. Pp. 59–107.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЕЛИСЕЕВА Мария Васильевна – бакалавр по профилю «корееведение и история стран Азии и Африки», ГАУГН, Москва, Россия.

Mariia V. ELISEEVA, bachelor in Korean Studies and History of Asian and African Countries, State Academic University for the Humanities (GAUGN), Moscow, Russia.